

ЮРИЙ БАСТРИКОВ

* * *

Весна пришла хозяйкой бала,
и с ней — надежды и мечты...
Впрямь революция настала:
морозец свергнут с пьедестала,
сугроб — буржуй и обирала —
совсем лишился капитала —
запасов снега до отвала,
роскошно лужа засверкала
каймай из чудного опала...
Порой снежок — простим нахала —
на землю стелет покрывала,
и солнце греет вполнекала,
но все равно зиме — кранты...

Весна идет по белу свету,
и с нею — кризис мировой...
Кто тугодум — возьми газету,
там разъясняет пакость эту
спец по финансам и бюджету,
семит, как видно по портрету,
мол, просчитаем снова смету,
и жизнь пойдет, как по паркету...
Когда с умом проблемы нету,
тут никакого нет секрету:
ворьё обчистило планету,
Россию — просто до скелету,
и, как известно, не впервой...

Весну встречает, как варяга,
людей недружная семья...
Кому-то дача — хлеб и брага,
кого-то кормит госшарага,
хотя ее продукт — бумага,
а чей-то дом родной — тюряга,
тот мот, а этот жлоб и скряга...
Теперь геройство и отвага
нужны для собственного блага,
о славе Родины и флага
кто помнит? Чудик и бродяга —
то бишь геолог-бедолага...
Да, кстати: с праздником, друзья!

* * *

Удивительная штука —
россиянская наука:
трепыхается, как щука
    в реформаторской сети,
но рыбешку поучает,
видно, искренне считает,
что рыбалкой управляет,
    с рыбаком ей — по пути...

Вот геологов собрали
из столиц и дальней дали,
чтоб они пообсуждали —
    где к урану есть мосты,
это вправду интересно,
но сказать вполне уместно:
на мостах не будет тесно,
    ведь геологам — кранты...

Нас осталось — единицы,
мы — как редкостные птицы,
в Красной книге две страницы
    нам пора бы отвести,
власти мы — одна обуза,
банкам — рубликов от пуза,
нам — как корку от арбуза,
    мать их... Господи прости...

Мы с ураном разберемся,
если скоро не загнемся,
вот в столице соберемся
    в представительном кругу,
и... никто в научном чине
по естественной причине
о геологов кончине
    не промолвит ни гу-гу...

г. Москва

ЮРИЙ ХРОМОВ

СТИХИ ДРУЗЕЙ

Стихи друзей, поэтов невеликих,
Читаю чаще я, чем прочий гладкий стих,
Ведь вижу за строфой живые лики,
Я слышу их — умнейших и простых.

Их книжечки порой не толще пальца
В простых обложках, малым тиражом,
От чувств и мыслей пухнут и ершатся
То грустью, то веселым куражом.

Я эти книжки подниму на полку,
На верхнюю — над книжным стеллажом.
Ребята всем еще “намылят холку”,
Ведь мы еще творим, друзья, живем!

НА “О”, НА “А”

Мы испОкОн нижегОрОдцы,
Всегда вОрОчаем на “О”.
Москвич порою посмеется,
Услышав Оканье мОе:
“ТопОр, кОрдОн, кОзел, кОлОда,
КОнечно, и кОлОвОрОт”.
Наш гОвОрок — мОтОр народа,
РокОчет рОвно и не врет.

Москва на “А”, я помню с детства:
“Казёл, кАнцерт, кАза, пАшла”...
Столица — родина кокетства,
Через века такой прошла.

Ну, что же, Окать или Акать,
Одна страна, один народ,
Шутить, трудиться, да не плакать...
Подковырнуть? Аж сводит рот:
— КАза, кАрова!
ОбОрмОт!

г. Нижний Новгород

МАРСЕЛЬ САЛИМОВ

ЭТОТ ФАЛЬШИВЫЙ МИР*

Крутом все сверкает и блестит, везде заграничные товары в красивых упаковках. Аж в глазах рябит. Казалось бы, радоваться надо и восторгаться, но — странное дело — меня прямо-таки тошнит от этого блеска. Голова кружится, давление скачет.

Пошел к врачу. А он вздыхает:

— Сейчас, — говорит, — многих тошнит. Болезнь такая, современная. — И выписывает лекарство, заграничное, дорогое.

Захожу в аптеку.

— А не фальшивка? — говорю. — В газетах ведь пишут, теперь в торговле шестьдесят процентов лекарств фальшивые.

— В газетах девяносто девять процентов неправды пишут, — парирует аптекарша. — Пресса у нас фальшивая!

И то сказать. Грамотно возражает эта тетя из аптеки. Зашёл в гастроном, взял бутылку. Думаю, если лекарство фальшивое, желудок спиртом промою. Во избежание летального исхода. По пути домой заглянул в парфюмерную. Смотрю, французские духи. Ишь ты, неужели настоящие?

— Почем? — спрашиваю.

---

* Печатается в рамках проекта “Литературное содружество”.

— Недорого, — отвечает продавщица.

— Подделка, что ли?

— Да нет, имитация. Запах французский, вода — местная.

Дай, думаю, обрадую жену. Она вряд ли унюхает.

Но жена, оказывается, еще как разбирается. Флакон в форточку выкинула.

— Нужна, — говорит, — мне твоя фальшивка! Да и сам ты вообще-то фальшивый. Словом, прощай. Я уйду к бизнесмену Безменеву.

Оторопел я при этом известии. В голове не укладывается, что вся наша жизнь, оказывается, была фальшивой. Однако ничего не поделаешь. Чего только не бывает в этом лживом мире!

— Ну что ж, — говорю, — только сына оставь. Своего сына я тебе не отдам!

— Как хочешь. Если нужна тебе эта фальшивка, забирай!

— Как это фальшивка? — не понял я.

— А ты, — говорит, — прямо-таки заблуждаешься, если думаешь, что это твой сын.

Тоскливо мне стало от такого признания. До того тоскливо, все равно что олигарху в Сибири.

Выпил того лекарства, еще хуже на душе. На сердце — тоже. Хоть и упаковка красивая, и название заграничное. Но содержание, видимо, обычное — фальшивое.

Достал бутылку. Ну, думаю, если и водка “паленая”, тогда вообще хана. Но деваться некуда, надо как-то нервы успокоить. Пропустил стаканчик, и сразу на душе легче стало. И жена, и сын, и духи французские, и прочие фальшивки — ничего больше не волнует, не беспокоит. Слава Богу, хоть водка оказалась настоящей, русской!

Выхожу на улицу в приподнятом настроении. Как это и положено нашему брату, принявшему на грудь. Думаю, и зачем мне эта фальшивая жена, пусть катится куда подальше со своим бизнесменом. Думает, наверное, он настоящий. Настоящие давно уже за границей. Здесь — одна имитация. А я еще найду свою судьбу. Настоящую. Вон сколько женщин на улице! Все куда-то бегут, спешат, суетятся, видимо, тоже в надежде найти что-то настоящее. В этом насквозь фальшивом мире.

МИССИЯ ТОЙ ПАССИИ

В восемьдесят лет старик Мухаметьян приехал в родную деревню. В честь юбилея председатель колхоза подарил ему землю.

— Вот тебе, бабай, пять гектаров за былые заслуги! — произнес он торжественно и смущенно добавил: — Больше дарить нечего. Кроме земли в колхозе ничего не осталось.

— Что я буду делать с этой землей? — недоумевал старик. — Ведь у меня свой участок есть, шесть соток.

— А ты почувствуй влекущий зов родной земли. Отец же у тебя кулаком был.

Увидев своими глазами заброшенные поля, Мухаметьян-бабай действительно почувствовал влекущий зов родной земли и не шутя взялся за дело. Загородный участок продал, взял кредит в банке, закупил элитные семена, удобрения, разные гербициды-пестициды и, естественно, собрал невиданный в последнее время урожай. Построил себе коттедж, склады, мастерские и всякие там амбары-ангары...

Видя такое дело, потянулись к нему на работу старики, потом и молодежь, и начал процветать вместо прежнего колхоза “Большевик” кооператив с несколько претенциозным названием “Кулак”. Это он — в честь своего отца, некогда раскулаченного.

Вскоре заявила к Мухаметьяну-эфенди местная красавица Гюльчатай.

— Секретаршей возьмете?

— У нас нет такой должности.

— Тогда пассией.

— А это что такое?

— Ну, дед, ты и тупой, хоть и богатый. Нынче у любого крутого есть своя пассия для вдохновения. Вроде как юная красавица-немка вдохновляла восьмидесятилетнего Гёте на стихосложение.

— Да я стихов никогда не слагал и не читал, — засмутился Мухаметьян-эфенди. — Читал лишь резолюции партконференций да исторические решения очередного съезда.

— Экие ты времена вспомнил, дед. Нынче кроме интернета и иномарки ничего такого не полагается, — засмеялась красавица и так выразительно крутнула бедрами, что Мухаметьян-бабай невольно почувствовал себя если не крутым с иномаркой, то лихим джигитом, объезжающим необъезженных лошадей.

И не дождавшись даже посевной, укатил наш бабай со своей пассией на Канары. Оказывается, при нынешней крутизне так полагается. Иначе никакого уважения не будет. Со стороны нынешней молодежи.

Завоевав уважение нынешней молодежи, вернулся домой... и что он видит: поля заросли сорняком, амбары-ангары разрушены, коттедж разграблен, а во дворе пьяный управляющий валяется.

Разбудил его хозяин и кричит:

— Что ты наделал?!

— Н... н... не я это, — от страха заикается управляющий. — Это н... н... народ... Увидели, что хозяин уехал, и раскулачили.

Закручинился раскулаченный бабай от подобного оборота дела, потянулся к своей пассии за утешением, а ее и след простыл. Опять она на юг улетела. Вместе с очередным, еще не раскулаченным хозяином.

А Мухаметьян-бабай по стопам отца на север подался — в те края, где сейчас олигарх Ходорковский книги сочиняет. И у него появилось желание что-нибудь эдакое написать. Это, может быть, и к лучшему. Ведь у нас гораздо безопаснее книги строчить, чем заниматься разной там политикой или экономикой.

г. Уфа

СЕРГЕЙ КАШИРИН

ТОЧУ ТОПОР

Благодарю столицу! —
Мудра качать права:
Газ русский — за границу,
Мне, русскому, — дрова.

Охота ль, неохота,
Работа — не игра
Тяжелого до пота
Трудяги-топора.

К чертям собачьим — куртку,
Ладонью — пот со лба,
И р-раз! — за чуркой чурку
С размаху — “на попа”!

Вдруг свыше — треволнение,
Аж ахнул мой топор:
Лес — не для населения,
Лес — тоже за бугор!

А мне?.. А мне — отходы,
Хоть сдохни к декабрю...
— Спасибо за заботы! —
Сквозь зубы говорю.

От туч низковисящих
Мрачнеет небосвод.
Хохочет телеящик,
А я — наоборот.

Не то чтоб притомился,
Не то чтоб нечем крыть,
Да вот — подзатупился
Топор — пора точить.

О времени гримасы!
Ну до каких же пор?!
...Госдума точит лясы,
А я точу топор.

г. Гдов